

УДК 343.9.018
DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(3).482-494

КОНФЛИКТНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА БЫТИЯ КОРРУПЦИИ (СТАТЬЯ 1)

А.В. Алейников, А.И. Стребков, Г.Г. Газимагомедов, А.Н. Сунами, А.Д. Карпенко
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
21 марта 2016 г.

Дата принятия в печать
25 июня 2017 г.

Дата онлайн-размещения
29 сентября 2017 г.

Ключевые слова

Государство; бизнес; интересы;
конфликт; коррупция;
противодействие коррупции;
товарно-денежные отношения;
социальные группы; конфликт
интересов

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения конфликтно-криминологической природы коррупции. Коррупция анализируется как процесс превращения деятельности и ее результатов в товар, имеющий «не товарную» природу. Обосновывается необходимость трактовки данного термина через призму товарно-денежных отношений как процесса, охватывающего совокупность социальных связей и отношений, и в первую очередь отношений собственности. Показывается, что обществом и государством устанавливаются пределы действия товарно-денежных отношений, а попытки превратить в товар то, что законодательно не может быть таковым, осуждаются обществом и наказываются государством. Конфликт выводит на уровень явления коррупции, государство криминализует эти действия и вводит их в зону уголовного права. Определены трудности в уголовно-правовом толковании коррупции, которые существенно влияют на формирование законодательной базы борьбы с ней. Авторами делается вывод о том, что причины коррупции кроются в самом социальном устройстве, которое разъедается конфликтом и разрушается им, а коррупция, признаваемая способом, разрушающим социальный порядок, становится тождественной конфликту. Особое внимание уделяется основным спорным вопросам междисциплинарного анализа феномена коррупции и исследовательским подходам к ее изучению. Делается акцент на эвристическом потенциале конфликтно-криминологической парадигмы распознавания противоправных коррупционных отношений, разрушающих социум до степени, за пределами которой он не в состоянии воспроизводить себя как устойчивый и стабильный организм.

CONFLICT-CRIMINOLOGICAL PARADIGM OF CORRUPTION (ARTICLE 1)

**Andrei V. Aleinikov, Aleksandr I. Strebkov, Gazimagomed G. Gazimagomedov,
Artem N. Sunami, Aleksandr D. Karpenko**
St. Petersburg State University, St. Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received
2016 March 21

Accepted
2017 June 25

Available online
2017 September 29

Keywords

State; business; interests;
conflict; corruption; corruption
counteraction; commodity monetary
relations; social groups; conflict of
interests

Abstract. This article is an attempt to examine the conflict-criminological nature of corruption. Corruption is analyzed as a process that transforms actions and their results into a commodity whose nature is «non-commodity» like. The authors prove that it is necessary to interpret this term in the context of commodity monetary relations as a process that encompasses a whole range of social connections and relations and, primarily, property relations. The authors show how the society and the state limit the scope of commodity monetary relations and how the attempts to commodify something which cannot legally be considered a commodity are condemned and punished by the state. The conflict highlights the phenomenon of corruption, the state criminalizes such actions and refers them to the realm of criminal law. The authors also outline the difficulties in the criminal law interpretation of corruption, which have a considerable influence of the formation of the legislative basis for its counteraction. The authors conclude that the causes of corruption lie in the very social structure, which is corrupted and destroyed by conflict, while corruption, recognized as a mode of destroying social order, becomes equal with conflict. Special attention is paid to the key disputable issues of interdisciplinary analysis of the phenomenon of corruption and scientific approaches to studying it. The authors stress the heuristic potential of the conflict-criminological paradigm of recognizing illegal corruption relations that destroy the society to the degree beyond which it cannot reproduce itself as a sustainable and stable organism.

Концепт коррупции — неотъемлемый элемент бытового оборота и многих современных

теорий в сфере права, политологии, социологии, конфликтологии и экономике. Казалось бы,

сегодня смысл понятия кажется самоочевидным, но эта самоочевидность обманчива. В самом деле, что в обыденном обороте называют коррупцией?

Так, согласно опросам «Левада-центра», самой распространенной формой коррупции респонденты называют взятку (табл.).

Обращает на себя внимание то, что центр в представлениях о коррупции постепенно смещается, согласно опросам, в направлении таких ее форм, как блат, семейственность, нецелевое использование и присвоение государственных средств, раздувание штатов и бюджета административных органов, предоставление неоправданных льгот и привилегий.

Подобное сочетание, когда под коррупцией понимают широкий спектр отношений, в которых без необходимых затрат хотя бы с одной

стороны деньги перемещаются от одного лица к другому, теоретически ничего не говорит о том, что же такое коррупция. В этом плане такой подход отнюдь не уникальное явление.

В ст. 2 «Термины» основополагающего документа — Конвенции ООН против коррупции — отсутствует основной термин, т.е. «коррупция». Напротив, Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ дает широкое ее определение: «Коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имуще-

Наиболее распространенные формы коррупции в России, %
Most common forms of corruption in Russia, %

Форма коррупции / Form of corruption	2000	2014
Взятничество / Bribery	50	45
Блат (оказание услуг с использованием служебного положения без прямой выгоды) / Connections (doing favors through the abuse of official positions without the direct profit)	22	33
Семейственность, кумовство (продвижение родственников) / Nepotism (facilitating relatives)	18	31
Махинации с государственным имуществом / Fraud involving state property	30	29
Нецелевое использование/присвоение государственных средств / Diversion/appropriation of state funds	21	27
Махинации с государственными поставками/подрядами / Fraud connected with public procurement/tenders	12	23
Подкуп государственных служащих / Bribery of public officials	20	22
Уклонение от уплаты налогов / Tax evasion	20	21
Раздувание штатов/бюджета административных органов / Inflated staff levels/budgets of administrative bodies	12	20
Вымогательство со стороны государственных служащих / Extortion by public officials	27	20
Связи с организованной преступностью/мафией / Connections with organized crime/mafia	33	18
Махинации с оформлением бумаг/прохождением бюрократических процедур / Fraud connected with paperwork/bureaucratic procedures	11	18
Операции с неучтенными средствами/«прокручивание» государственных средств / Operations with unaccounted funds/illegal investment of state funds	18	17
Предоставление неоправданных льгот и привилегий / Provision of unjustified benefits and privileges	12	17
Действия в обход существующего порядка ведения дел (в собственных корыстных интересах) / Actions that violated established procedures (in the perpetrator's own vested interests)	13	16
Контрабанда (незаконный ввоз товаров) / Smuggling (illegal import of goods)	10	9
Спекуляция / Profiteering	12	7
Другое / Other	1	1
Затруднились ответить / Not sure	4	4

Источник: [1, с. 113].

ственного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»¹.

В данном определении перечислены коррупционные действия, субъекты, коррупционная цель, собственность, средства обмена. Действительно, существенным является прежде всего то, что коррупция — это действия людей, направленные на получение выгоды, против законных интересов общества и государства. Однако следует иметь в виду, что действия людей без ущерба интересам государства и общества не могут быть отнесены к коррупционным действиям. Кроме того, существенным ограничением в определении коррупции является именно выяснение и уяснение факта, была выгода или нет. Не могут быть отнесены к коррупционным действиям злоупотребления служебным положением без денежной и иной материальной выгоды.

Ключевым моментом в данном контексте представляется сложность в выяснении этого факта. Грань между реальной коррупцией, в которой принимают участие два или более лица, и «неполной коррупцией» без факта выгоды стирается посредством сообщений как одной, так и другой стороной в правоохранительные органы о предстоящем факте обмена. Коррупция приобретает свою окончательную оформленность в результате сообщения о факте получения выгоды и вмешательства правоохранительных органов. Тем самым наиболее значимым элементом коррупции выступает отсутствующий в определении, предлагаемом в законе «О противодействии коррупции», элемент — правоохранительные органы.

Коррупция становится явлением, обладающим максимальной степенью общественной опасности и влекущим введение уголовно-правового запрета в результате деятельности правоохранительных органов. Следует отметить, что в российском уголовном законодательстве нет закрепленного понятия «преступление коррупционной направленности», что, конечно, мешает фундированно осуществлять системное противодействие данному виду преступности. Определенной заменой такому понятию может служить введенный указанием Генеральной прокуратуры РФ и МВД России «О введении в действие перечней статей Уголовного кодек-

са Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» от 13 декабря 2016 г. № 797/11/2 перечень № 23 преступлений коррупционной направленности². Данный перечень содержит в себе около полусотни статей УК РФ, предусмотренные которыми противоправные деяния и составляют собственно корпус коррупционных преступлений. К ним прежде всего относятся противоправные деяния, имеющие все перечисленные ниже признаки:

- наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния, т.е. лиц, выполняющих управленческие функции;
- связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей;
- обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц);
- совершение преступления только с прямым умыслом.

Именно набор этих деяний, придающих социальному явлению правовую определенность, мы и будем в дальнейшем понимать под коррупцией в узком смысле, как особым видом преступности.

Выстраивая понятийный мост, уточним, что коррупция — это процесс, охватывающий совокупность связей и отношений, и в первую очередь отношений собственности.

Поэтому Конвенция ООН усматривает в коррупции основное — угрозу политической стабильности и устойчивости развития государств и второстепенное, сопутствующее — связанные с коррупцией другие формы преступности, в частности организованную и экономическую преступность, включая отмывание денежных средств³.

Под коррупцией как абстракцией скрывается ирония отношений, способных стать видимыми и определенными лишь при вмешательстве эксперта — государства. Иными словами, категория «коррупция» используется в самых раз-

¹ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (с изм. и доп.). URL: http://base.garant.ru/12164203/#block_1.

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 797/11, МВД России № 2 от 13 дек. 2016 г. URL: <http://legalacts.ru/doc/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-79711-mvd-rossii-n-2>.

³ Конвенция ООН против коррупции : принята резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 31 окт. 2003 г. № 58/4. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.

ных значениях, которые не фиксируют и не маркируют терминологические различия и нюансы, нередко за ней скрывается различное содержание, что порождает ряд неопределенностей при ее использовании.

Не имея четкого представления о коррупции, некоторые исследователи предлагают определять коррупцию на основе общественного мнения [2] и относить к ней все практики, которые воспринимаются в обществе как таковые. И они в принципе на правильном пути. Несколько огрубляя, можно утверждать, что практики, обозначаемые общественным мнением как коррупционные, создают основу для государственного определения коррупции. Государство, следуя за общественным мнением, формулирует законодательство о противодействии коррупции, определяя ее границы. Именно общественный интерес толкает государство к установлению того, что входит в понятие коррупции и какие отношения являются коррупционными.

Осознанию коррупции как социального явления, ее определению, причинам, видам, последствиям и антикоррупционным стратегиям, по подсчетам российского социолога Д. Рогозина, на 2011 г. посвящено 5 779 публикаций в базе данных Web of Science, при этом основным трендом в академическом дискурсе является переход «от моральных и экзистенциальных оценок (коррупция как неизбежное зло, опосредованное склонностью человека к наживе) к прагматическому моделированию и прогнозированию последствий коррупционных практик» [3].

Весьма внушительна и библиография российских исследований. В одном из обзорных указателей литературы содержатся сведения о 1 841 публикации по проблемам противодействия коррупции в России [4].

Взрывной рост всеобъемлющего интереса исследователей — от антропологов до юристов — к аналитике коррупции патриарх современной политической науки Г. Алмонд связывает с быстрым ростом и процессом концентрации промышленного производства во второй половине XIX в. и на протяжении первых десятилетий XX в., создавшими благоприятную ситуацию для широкомасштабной коррупции, а «подкуп политиков представителями корпораций, стремившихся заключить выгодные контракты, добиться привилегий и защиты от государственных ограничений, стал центральной

темой нараставшего вала публицистических «обличительных» материалов в прессе, которые раскрывали общественности неприглядную картину политической инфраструктуры, втянутой во всевозможные злоупотребления и махинации, и выявляли «группы давления» и «лобби», глубоко пронизавшие и коррумпировавшие политические структуры на местном, региональном и федеральном уровнях» [5].

Коррупция — многоаспектное, многоуровневое, системно организованное социальное явление, органически интегрирующее в себе экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и политическую составляющие, что предопределяет необходимость междисциплинарного анализа этого явления. К такому выводу приходит и Конвенция ООН. Вместе с тем коррупция в политических дебатах, риторике и конфликтах зачастую является *ultima ratio*, последним аргументом.

Исследователи фиксируют переход от структурного понимания коррупции к ее поведенческой трактовке. В общем плане это означает, как пишут Л.Е. Бляхер и Н.А. Пегин, что «сложившийся за «нулевые» годы антикоррупционный дискурс чем-то напоминает шпиономанию 1930-х годов. Как и тогда, любая непонятность рождает подозрение в преступном умысле, и эти подозрения подкрепляются многочисленными громкими «процессами» [6, с. 100].

Исследователи генезиса бюрократии в США начала XX в. отмечают, что в этот период для получения рядовой должности в полиции надо было заплатить 300 дол., а должности капитана — 12 тыс. дол., при этом полицейскими могли стать безграмотные, сифилитики и просто преступники. Самой доходной федеральной должностью был пост сборщика таможенных пошлин в Нью-Йорке, а теневой бюджет таможни вполне мог быть сравним с бюджетом страны. Стратегии и практики выхода США из «коррупционной ловушки» были основаны как на принятии антимонопольного законодательства и ужесточении требований к властным субъектам, так и на общественной оценке коррупционных практик как нетерпимых. Путь этот занял около 70 лет [7].

Однако и сегодня, по данным социологических исследований Института Гэллага, сокращение коррупции в правительстве называется американцами в качестве второго приоритета для следующего президента (88 %) после создания рабочих мест (92 %) и опережает такие

проблемы, как сокращение дефицита федерального бюджета (86 %), борьбу с терроризмом (86 %) и социальное и медицинское страхование (85 %) [8].

Одним словом, проблемы современной концептуализации феномена коррупции связаны, как подчеркивает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, с различной степенью «порчи» государства и права. «Есть страны, — пишет он, — где поражены только некоторые элементы государства, права. Существует и более серьезная возрастающая степень поражения, и тогда можно говорить об элементах криминализации государства и права. Крайняя же и самая опасная стадия — криминальное государство. На пути становления развитой правовой системы и демократии в странах на постсоветском пространстве, странах новой демократии опасность возникновения этой стадии болезни очень высока» [9, с. 18].

Но можно ли ограничиться этим утверждением о неизбежности и общепринятости коррупции, отодвигая на второй план вопрос о сущности этого явления, его неоднозначности и неоднородности?

Отсутствие четкого и всеми принимаемого определения не может не сказаться на разработке и реализации средств коррупции. Анализ отношений между государством, предоставляющим льготные политические условия для конкретного бизнеса, и обществом вряд ли перестанет быть актуальным и окончательно завершённым — в современных исследованиях убедительно показано, что коррупционные отношения очень долговечны и из них трудно вырваться [10].

Не случайно, что еще в 2004 г. В.В. Путин, определяя приоритетные задачи Совета при Президенте по противодействию коррупции, подчеркивал, что «мы обязаны дать точную квалификацию самого понятия «коррупция» и понимать, что способствует ее распространению уже в сегодняшних, современных условиях» [11]. Эти слова настолько же актуальны сегодня, как и 13 лет назад. Поэтому вряд ли можно согласиться с крупным российским криминологом В.В. Лунеевым, который считает, что «все правильные слова о коррупции уже сказаны, необходимые документы многократно разработаны и переработаны, опыт других стран, где с успехом борются с коррупцией, изучен, и поэтому ничего нового сказать или предложить уже невозможно. Интеллектуальные возможности исчерпаны» [12, с. 20].

Не вдаваясь в обширную полемику с В.В. Лунеевым, отметим, что коррупция есть форма связи государства и общества, которая находится в постоянном изменении в зависимости от конкретных исторических условий, экономических и политических циклов, актуализирующих тот или иной интерес бизнеса к государству, государства к бизнесу. Интеллектуальные возможности в объяснении коррупции могут быть исчерпаны при условии рассмотрения ее в контексте одной науки, не учитывающей междисциплинарного характера коррупции.

С политической точки зрения государство и есть общество, поэтому политический контекст анализа коррупции приводит к представлению о том, что эта проблема политическая и касается только устройства государства, государственного управления и его изъянов. Однако бизнес в этой концептуальной призме остается вне поля зрения, а вся социальная ответственность за связи, в которых деньги играют основную роль, перекладывается на плечи бюрократии. Прежде всего следует определить, что если возникает устойчивое отношение, то за него несут ответственность обе его стороны, какое бы принуждение ни предпринималось одной из них для его исполнения.

Мы возвращаемся, таким образом, к заявленной в начале позиции. Коррупция есть отношение, в которое вступает чиновник и бизнес на добровольной основе и втайне, не публично. В противном случае, в случае принуждения к исполнению отношения, данная форма связи не может быть отнесена к коррупции, она есть сопутствующие коррупции формы связи, о которых упоминается в Конвенции ООН. По поводу тайнства, свершающегося между чиновничеством и бизнесом, бывший глава администрации президента С. Иванов говорил, что «коррупция в России стала «очень хитрой, латентной»⁴.

Мнение о коррупции как об отношении, инкорпорированном в господствующие отношения, наиболее верно отражает скрытую сущность коррупции. Коррупция становится явной и видимой для той или иной науки в период наступления кризиса в добровольных отношениях бизнеса и власти, в их разрушении под воздействием внешних или внутренних причин. Кризис отношений наступает в результате неудовлетворенности их субъектов. Источником неудовлет-

⁴ Сергей Иванов рассказал о коррупции в России. URL: http://www.penzainform.ru/news/global/2015/10/19/sergej_ivanov_rasskazal_o_korrupcii_v_rossii.html.

воренности могут быть внешние условия, которые устанавливают предел имущественного состояния чиновника, внутренние условия, связанные в основном с изменением нравственных установок под воздействием общества. Общественное осуждение коррупции влечет за собой индивидуальное покаяние и изменение индивидуальных принципов.

С точки зрения общества, коррупция есть деятельность, направленная на резкое обогащение, и потому все отношения, способствующие обогащению, представляются коррупционными, девиантными.

Но в анализе коррупции, которая инкорпорируется в господствующие отношения, невозможно, не впадая в спекуляции, зафиксировать факт отклонения поведения людей от господствующих отношений. Потому и появляются конвенциональные представления, согласно которым коррупция определяется на основе общественного мнения, выступающего ее маркером.

Отклонение от нормы денежных отношений, принятой в обществе, есть отклонение от средней величины богатства. И все богатство выше средней величины — это коррупционное богатство. С точки зрения общества бедных, стать богатым возможно лишь незаконными действиями, а не посредством труда. Для общества все действия, направленные на обогащение вне экономического оправдания, есть по сути своей коррупционные действия. И если закон потворствует подобному обогащению, то и само государство становится коррупционным или криминальным [13; 14].

Не случайно В.Д. Зорькин связывает коррупцию с порчей государства и права, выражая таким образом социологический взгляд на коррупцию, который стал обыденным взглядом, культивируемым идеологами общества, выражающими интерес бедных бизнесменов в противовес богатым. Поэтому достаточно широко распространено мнение одного из ведущих и оригинальных российских социологов С.Г. Кордонского: коррупция — это «совокупность всего плохого, универсальное объяснение несоответствия ожидаемого (идеального) ощущаемому (реальному) положению дел. Мы плохо живем, потому что у нас всеобъемлющая коррупция» [15].

Необходимо отметить, что коррупция в ее действенном аспекте есть явление, скрытое под завесой господствующих отношений, и никак не проявляет себя до тех пор, пока присутствует согласие субъектов взаимодействия по качеству

услуги и ее цены. Поэтому надо признать, что современные представления о коррупции имеют к ней косвенное отношение, понятием «коррупция» обозначают не те связи и отношения, а вместе с ними и не те действия. Для иллюстрации ключевого тезиса нашего рассуждения уместно привести и позицию декана экономического факультета МГУ А.А. Аузана, который отказывается говорить о коррупции по той простой причине, «что бывают такие явления, которые заведомо неверно обозначены» [16].

А.А. Аузан не первый, кто обратил внимание на то, что человеком явления могут быть обозначены неправильно из-за свойственной ему особенности изменять явления, изменяя их названия. Ф. Энгельс приводит мысль К. Маркса из его архивного наследия о том, что человеку свойственно «...изменять вещи, меняя их названия, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!» [17, с. 60].

Впрочем, из истории известно, что изменять вещи, давая им иные названия, свойственно и государству.

С понятием «коррупция» произошел исторический казус, когда им начали обозначать то, что к коррупции не имеет непосредственного отношения.

Здесь уместно привести характерное высказывание известных исследователей С.Ю. Барсуковой и А.В. Леденевой: «Политический смысл борьбы с коррупцией отодвинул на второй план вопрос о сущности этого явления, его неоднозначности и неоднородности... Между тем содержание коррупционной парадигмы вызывает немало возражений» [18, с. 119]. Таким образом, исходные предпосылки классической теории коррупции уже подвергаются серьезной ревизии. Следует заметить, что единый подход к анализу коррупции отсутствует [19–22].

Полагаем, что в самом общем виде подходы, в рамках которых исследователи пишут о коррупции, можно обозначить так:

- с точки зрения общественного интереса коррупция существует там, где люди, обладающие властью, мотивируются неформальными вознаграждениями к совершению действий, нарушающих общественные интересы;

- с точки зрения подхода «принципал — агент — клиент» коррупция — это процесс, когда агент за соответствующее вознаграждение действует в интересах клиента, оставаясь в рамках отведенных принципалом управленческих воз-

возможностей, и возникает в отношениях клиента (взяткодателя) и агента (взяткополучателя), допускающего искажение правил или их селективное применение за нелегальное вознаграждение [23];

– с точки зрения рыночно ориентированного подхода коррупция есть рассмотрение чиновником своей должности в качестве бизнеса;

– с точки зрения подхода, ориентированного на регулирование деятельности чиновников, коррупция есть отклонение чиновника от правил, регламентирующих государственную службу. Коррупция — это поведение, отклоняющееся от формальных обязанностей, связанных с государственной должностью: взяточничество в целях изменения или выборочного применения управленческого решения, обеспечение патронажа частным лицам исходя из аскриптивных мотивов (фаворитизм, кронизм, nepотизм, блат, фамилизм), незаконное присвоение государственных ресурсов для личных целей и т.д. [24].

В современной зарубежной криминологии коррупция редко когда рассматривается в качестве исключительно преступности, связанной со взяточничеством или иными злоупотреблениями служебным положением. Криминологи интересуются гораздо более широкий социальный контекст, детерминирующий качество и объем коррупции в отдельных странах. Так, в частности, А. Купатадзе анализирует корреляцию между политической и экономической конкуренцией и качеством коррупции на постсоветском пространстве, делая вывод об амбивалентном характере этого влияния. С одной стороны, где существует большая конкуренция, организованная преступность и бизнес могут использовать эту конкуренцию для коррупционного воздействия на государство, с другой стороны, политическая конкуренция, по крайней мере, дает возможность для решительных антикоррупционных кампаний [25, р. 211]. Также нередко встречается анализ коррупции как одного из элементов принятых в конкретном социуме неформальных практик. К примеру, в обзоре новой научной литературы по проблеме коррупции в России, опубликованном в уважаемом криминологическом журнале *Theoretical Criminology*, авторы описывают российскую коррупцию как часть генеалогии неформальных практик, с которыми сталкиваются экономические субъекты — от «мальчика, продающего корзину», до директоров крупных предприятий [26, р. 283]. Вместе с тем, хотя рассмотрение коррупции как сложносоставного со-

циального феномена, социальной конструкции или интегративной части социальных институтов является трендом современной криминологии [27, р. 281], корпус криминологической литературы, посвященной описанию конкретных видов коррупционных преступлений и правоохранительной практики борьбы с данным типом преступности, не менее широк [28, р. 100–103].

Разработанные подходы и концепции позволяют утверждать, что присвоение чего-либо в пользу частного лица или группы лиц является способом бытия существующей социальной системы.

Если данное присвоение осуществляется в рамках закона, нравственности и традиции, то оно причисляется к легитимным способам. Если оно происходит вне закона, то причисляется к преступлениям, осуждаемым общественным мнением. Различные формы отклонения от закона, нравственности и традиции есть угроза существующим отношениям, есть покушение на социальную устойчивость и стабильность, на безопасность, на всю систему защиты личности, общества и государства, в том числе на правовую защиту. Но и сама система правовой защиты начинает давать сбой в результате внедрения в нее незаконных способов присвоения.

Собственность лишь тогда становится законной, когда присвоение осуществляется в соответствии с существующим правом. Именно поэтому в криминологии коррупции, исследующей данный сложный социальный феномен, механизмы преступного коррупционного поведения и социальную реакцию на него, акцент делается не столько на исследование социально отклоняющегося поведения, сколько на его правовую определенность, правовой инструментарий социального контроля и превенцию.

В этой традиции всякое благо, добытое незаконным путем, не подпадает под понятие собственности, а подпадает под понятие коррупции. Незаконный способ присвоения обозначается как коррупционный, а собственность, добытая подобным образом, для права не является таковой. В силу чего понятием «коррупция» обозначают всю совокупность деяний, действий и поведения по присвоению благ, не санкционированных законом, т.е. действий вне господствующих отношений собственности. Не случайны правовые новации Генеральной прокуратуры, подготовившей предложения в Администрацию Президента РФ, которые направлены на получение возможности контроля расходов бывших

чиновников на протяжении двух лет после их увольнения со службы. По мнению начальника управления Генпрокуратуры Александра Русецкого, действующий порядок обращения имущества в доход государства, если чиновник не докажет, что оно приобретено на законно полученные им средства, требует существенной правовой корректировки, реализация которой не спасет чиновников от проверки или судебного иска даже в случае поспешного увольнения [29]⁵.

Достаточным побуждением к отклоняющимся способам присвоения является денежный интерес бизнеса, пытающегося получить дополнительные преимущества в конкуренции, что влечет за собой использование со стороны бизнеса подкупа чиновников, а со стороны чиновников — вымогательство.

По данным социологических исследований, 14,2 % российских частных компаний сталкивалось с вымогательством взяток (показатель в среднем по миру — 17,8 %). Каждый пятый из опрошенных (выборка — 4 200 российских компаний) заявил, что чиновники берут взятки, чтобы «решить вопросы». Средняя взятка при заключении госконтракта в России составляет 2,6 % от его стоимости (по миру — 1,7 %)⁶. Заметим, что в России в 2014 г. сталкивался с вымогательством взяток или другими видами коррупции 41 % опрошенных крупных компаний, в 2016 г. — уже 21 % (в среднем по миру — 13 %)⁷. Российские компании дают взятки:

- с целью заключения госконтракта — 30,9 % опрошенных (в мире этот показатель составляет 29,1 %);
- получения лицензии на импорт — 27,5 % опрошенных (в мире — 14,7 %);
- получения разрешения на строительство — 26,8 % опрошенных (в мире — 23,6 %);
- подключения к электросетям — 25,7 % опрошенных (в мире — 16,1 %);

⁵ За три года прокуроры направили в суды более 40 исковых заявлений об обращении в доход государства имущества чиновников. Из них удовлетворены уже 20 о взыскании имущества на сумму более 2 млрд р.

⁶ Corporate misconduct — individual consequences. Global enforcement focuses the spotlight on executive integrity : 14th Global Fraud Survey. URL: [http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-fraud-survey-2016/\\$FILE/ey-global-fraud-survey-final.pdf](http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-global-fraud-survey-2016/$FILE/ey-global-fraud-survey-final.pdf).

⁷ Global Economic Crime Survey 2016. Adjusting the Lens on Economic Crime: Preparation brings opportunity back into focus. URL: <http://www.pwc.com/gx/en/services/advisory/forensics/economic-crime-survey.html>.

– налоговым органам — 7,3 % опрошенных (в мире — 13,0 %)⁸.

Но необходимость изменения отношений незрела и для бизнеса. Подобные отношения превратились для него в обузу. Бизнес стал освобождаться от дополнительных премий чиновничеству помимо налогов, отдаваемых государству. Власть чиновничества над бизнесом, выраженная в дополнительных выплатах в виде недокументируемых премий для него, переходит в разряд коррупционных отношений. Государство из ведущей стороны в отношениях превратилось в ведомую, или подчиненную, сторону. Коррупция стала маркером незаконных действий в условиях конкуренции⁹, угроз безопасности, политической устойчивости и стабильности, что и было зафиксировано в законе «О противодействии коррупции».

В силу латентности коррупционных связей коррупция может явиться в результате внутреннего кризиса этих отношений, которые инкорпорированы в господствующие товарно-денежные отношения [30]. Конфликт как результат наметившегося кризиса выступает завершающей стадией коррупционных отношений и в то же время обнажает присутствие таковых в товарно-денежных отношениях. И этот конфликт есть свидетельство того, что товарно-денежные отношения начинают захватывать сферы, которые по закону не могут быть приватизированы. Товарно-денежным отношениям нет пределов и ограничений как таковым. Они в свою орбиту включают все, что может быть превращено в товар и вброшено в обмен. И в этом случае винить товарно-денежные отношения в том, что они всё и вся превращают в товар и рынок, — занятие контрпродуктивное. Однако обществом и государством, олицетворяющим его, устанавливаются пределы действия товарно-денежных отношений. Именно законом определяются сферы и действия, которые не могут быть приватизированы. Попытки превратить

⁸ Enterprise surveys indicator descriptions. December 15, 2016. URL: <http://www.enterprisesurveys.org/data/exploretopics/~media/GIAWB/EnterpriseSurveys/Documents/Misc/Indicator-Descriptions.pdf>.

⁹ В России наблюдается снижение доли компаний, проигравших конкурентам, которые заплатили взятку. Так, по данным Pricewaterhouse Coopers, в 2014 г. этот показатель составлял 42 %, в 2016 г. — 17 % (среднемировое значение — 15 %). Global Economic Crime Survey 2016. Adjusting the Lens on Economic Crime: Preparation brings opportunity back into focus. URL: <http://www.pwc.com/gx/en/services/advisory/forensics/economic-crime-survey.html>.

в товар то, что законодательно не может быть таковым, осуждаются обществом и наказываются государством. Сами же действия людей, направленные на внедрение товарно-денежных отношений, объявляются криминальными. Конфликт выводит на уровень явления коррупции, государство криминализирует эти действия и вводит их в зону уголовного права.

Парадоксальная ситуация, при которой государство, защищающее товарно-денежные отношения, их же и запрещает, может быть разрешена в результате выделения из товарно-денежных отношений тех из них, которые государство защищает и которым отказывает в своей защите.

Объясняя природу коррупционных преступлений, криминология нацелена на определение законных способов и законных средств присвоения. И в данном случае легитимным способом является обмен или рынок, т.е. законные способы обмена.

Криминологический анализ коррупции как преступления лежит, на наш взгляд, именно в плоскости изучения тех способов присвоения, которые превращаются в коррупционные отношения.

Понимая преступность как «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета» [31, с. 7], криминология акцентирует внимание на реальных социальных опасностях и вреде, зафиксированных в законе, которые несет именно процесс отчуждения присваиваемого объекта. И в этом процессе происходят метаморфозы перехода присвоения из законного в коррупционные отношения. Они возникают именно тогда, когда одна из сторон взаимодействия, а здесь у нас речь идет о взаимодействии бизнеса и чиновников, осуществляет принуждение посредством насилия, что зачастую происходит со стороны бизнеса, или посредством создания условий со стороны чиновника, принуждающего бизнес к отчуждению части своей прибыли.

Принуждение к осуществлению услуги со стороны чиновника есть незаконное ее присвоение бизнесом, точно так же как и незаконное отчуждение той доли собственности, которая принадлежит не чиновнику, а обществу в целом, ибо отношения собственности есть общественное отношение, переданное в распоряжение чиновнику на время исполнения им государственных, а не своих личных обязательств.

Подобные отношения присвоения/отчуждения могут осуществляться и осуществляются не только на вынужденной, но и на добровольной основе, когда от поступившего со стороны чиновника или бизнеса предложения «грех отказаться».

Данное отношение, выходя за пределы легитимированного правом, нравственностью и традицией, может быть только конфликтным отношением, которое и анализируется в рамках предлагаемого авторами конфликтно-криминологического подхода.

Конфликтная природа коррупционных отношений, а вместе с тем и их разрушительная сила, вынуждает относиться к ним как к криминальным отношениям, как к отношениям, разрушающим национальную безопасность.

В рамках данной концептуальной оптики для объяснения коррупционного поведения и взаимодействия необходимо обратить внимание на конфликт интересов, возникающих в результате исполнения государственным служащим своих должностных или служебных обязанностей. В криминологии сложилось устойчивое мнение, что конфликт интересов выступает основной коррупцией, а их разрешение с использованием юридических санкций является одной из эффективных стратегий противодействия коррупции. В Руководстве ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе подчеркивается, что «хотя конфликт интересов нельзя отождествлять с коррупцией *ipso facto* (в силу самого факта), наблюдается растущее признание того, что неадекватное управление разрешением конфликтов между частными интересами и государственными обязанностями должностных лиц государства может порождать коррупцию»¹⁰.

В Федеральном законе «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов понимается «ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) государственного или муниципального служащего влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных (служебных) обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью государственного или муниципального служащего и правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства, способное привести к причинению вреда правам и законным ин-

¹⁰ Руководство ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе. URL: <http://www.oecd.org/gov/ethics/2957345.pdf>.

тересам граждан, организаций, общества или государства»¹¹.

В задачу данной статьи не входит детальное обсуждение коллизий и теоретических лакун в правовом регулировании конфликта интересов на государственной службе как основы коррупционных взаимодействий. Полагаем возможным остановиться лишь на одном принципиальном методологическом уточнении, связанном с конфликтно-правовой природой оснований возникновения конфликта интересов.

Понимая под интересами степень необходимости и важности удовлетворения в конкретный момент и способы выражения актуализированных потребностей, отметим, что они «обладают такой побудительной силой, которая превосходит силу полиции и военную силу, что они... заставляют индивида... игнорировать требования согласия и что они объясняют и даже оправдывают при определенных обстоятельствах антисоциальные и насильственные формы поведения» [32, с. 200].

Интересы применительно к конфликту являются родовым понятием, поскольку, как подчеркивал Г. Гегель, «интерес наличествует лишь там и тогда, где и когда имеется противоположность» [33, с. 248].

Таким образом, коррупционные отношения порождают конфликт интересов. Дело в том, что коррупция сама есть порождение конфликта интересов большей глубины и масштаба. Конфликтом является негативный способ взаимодействия, что присуще и коррупции, ибо ее действительность там, где противоречия достигли обостренного характера, где уже представлен конфликт. Данный конфликт, служащий питательной средой коррупции, ей же и разрешается.

Конфликт интересов служащих, проявляющийся в личной заинтересованности¹² в дости-

жении определенной цели, которая влияет или может влиять на рассмотрение вопросов при исполнении ими своих должностных обязанностей, стоит в ряду конфликтов, порождаемых коррупцией. Коррупционные отношения порождают целую цепь конфликтов, в которой конфликт интересов всего лишь звено, без которого, однако, коррупция уже не коррупция.

Поэтому если кто-то из служащих в каждом своем общественном действии осуществляет дополнительное присвоение благ помимо заработной платы, т.е. умудряется продать то, что ему не принадлежит, то это в строгом смысле не является конфликтом интересов. Конфликт — это и есть столкновение интересов.

Однако, по нашему мнению, необходимо сказать о том, что не все верное с научной точки зрения полезно практике противодействия коррупции. Государство в реализации своей антикоррупционной стратегии поступает верно, когда усиливает контроль за деятельностью чиновничества, вводя не совсем строгое понятие «конфликт интересов», институционализируя его и закрепляя в праве. Тем самым создается правовая основа противодействия коррупции.

Коррупция проявляется в результате конфликта, возникающего между бизнесом и чиновниками, а сама коррупция есть форма связи чиновничества и бизнеса, общей целью которой является неэкономическое обогащение [34], влекущее за собой привилегии для коррупционного бизнеса, экономически не обоснованные выгоды для чиновников. В конфликтно-криминологической парадигме анализа коррупции в силу ее латентного характера и проявления в результате обострившихся противоречий в коррупционном союзе бизнеса и чиновников праву вообще придается значение маркера коррупции, т.е. его точного юридического определения, фиксирующего степень опасности коррупционных отношений для общества и государства. Вводя данный тип преступления в зону криминалистики, закон тем самым определяет для коррупции высокую степень опасности. Рассмотрению конфликтно-криминологической природы коррупции будет посвящена вторая часть исследования.

¹¹ О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ.

¹² Под личной заинтересованностью понимается «возможность получения гражданским служащим при исполнении должностных обязанностей доходов (неосновательного обогащения) в денежной либо натуральной форме, доходов в виде материальной выгоды непосредственно для гражданского служащего, членов его семьи или лиц, указанных в пункте 5 части 1 статьи 16 настоящего Федерального закона, а также для граждан или организаций, с которыми гражданский служащий связан финансовыми или иными обязательствами». О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 апр. 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 3 апр. 2017 г.). URL: http://legalacts.ru/doc/79_FZ-o-gosudarstvennoj-grazhdanskoj-sluzhbe.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общественное мнение — 2014 / сост. Н. Зоркая. — М. : Левада-центр, 2015. — 234 с.
2. Scott J. Comparative Political Corruption / J. Scott. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1972. — 166 p.
3. Рогозин Д. Обзор публикаций о коррупции [Электронный ресурс] / Д. Рогозин // Отечественные записки. — 2012. — № 2. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/obzor-publikacij-o-korrupcii>.
4. Противодействие коррупции в Российской Федерации : указатель лит. на рус. яз., 1991–2012 гг. / сост.: Е.А. Панфилова, М.И. Савинцева ; под ред. Ю.А. Нисневича. — М., 2013. — 206 с.
5. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины / Г. Алмонд // Полис. — 1997. — № 6. — С. 175–183.
6. Бляхер Л.Е. Коррупция как политическая проблема: кто, как и зачем сражается с коррупцией в России / Л.Е. Бляхер, Н.А. Пегин // Полития: анализ, хроника, прогноз. — 2012. — № 4. — С. 89–103.
7. Knott J.H. Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice / J.H. Knott, G.J. Miller. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1987. — 290 p.
8. Jeffrey M.J. Americans Want Next President to Prioritize Jobs, Corruption [Electronic resource] / M.J. Jeffrey. — Mode of access: <http://www.gallup.com/poll/156347/Americans-Next-President-Prioritize-Jobs-Corruption.aspx>.
9. Зорькин В.Д. Коррупция как угроза стабильному развитию общества / В.Д. Зорькин // Журнал российского права. — 2012. — № 7. — С. 18–20.
10. Hale H.E. Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective / H.E. Hale ; eds K. Darden, I. Shapiro. — New York : Cambridge Univ. Press, 2015. — 538 p.
11. Путин В.В. Вступительное слово на заседании Совета при Президенте по борьбе с коррупцией. 12 января 2004 года [Электронный ресурс] / В.В. Путин. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22279>.
12. Лунеев В.В. Коррупция в России / В.В. Лунеев // Государство и право. — 2007. — № 11. — С. 20–27.
13. Magyar B. Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary / B. Magyar. — Budapest : Noran, 2016. — 309 p.
14. Green P. State-Crime: Governments, Violence and Corruption / P. Green, T. Ward. — London : Pluto Press, 2004. — 264 p.
15. Кордонский С.Г. Норма отката [Электронный ресурс] / С.Г. Кордонский // Отечественные записки. — 2012. — № 2. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/norma-otkata>.
16. Аузан А.А. Заложники недоверия [Электронный ресурс] / А.А. Аузан // Отечественные записки. — 2012. — № 2. — Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/zalozhniki-nedoveriya>.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений : в 50 т. — Изд. 2-е. — М. : Политиздат, 1961. — Т. 21. — С. 23–178.
18. Барсукова С. От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различие в подходах аутсайдеров и инсайдеров / С. Барсукова, А. Леденева // Вопросы экономики. — 2014. — № 2. — С. 118–132.
19. Быстрова А.С. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы / А.С. Быстрова, М.В. Сильвестрос // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — Т. 3, № 1. — С. 83–101.
20. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. — М. : Логос, 2003. — 356 с.
21. Jancsics D. Interdisciplinary Perspectives on Corruption / D. Jancsics // Sociology Compass. — 2014. — № 8/4. — P. 358–372.
22. Pellegrini L. Corruption, Development and the Environment / L. Pellegrini. — New York : Springer, 2011. — 176 p.
23. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность / С.Ю. Барсукова // Общественные науки и современность. — 2008. — № 5. — С. 36–47.
24. Varese F. Pervasive Corruption / F. Varese // Economic Crime in Russia / ed. by A. Ledeneva, M. Kurkchiyan. — London : Kluwer Law International, 2000. — P. 99–111.
25. Kupatadze A. Political corruption in Eurasia: Understanding collusion between states, organized crime and business / A. Kupatadze // Theoretical Criminology. — 2015. — № 19 (2). — P. 198–215.
26. Kosals L. Informality, crime and corruption in Russia: A review of recent literature / L. Kosals, A. Maksimova // Theoretical Criminology. — 2015. — № 19 (2). — P. 278–288.
27. Gilinsky Ya. Crime in Contemporary Russia / Ya. Gilinsky // European Journal of Criminology. — 2006. — № 3 (3). — P. 259–292.
28. Lord N.J. Responding to transnational corporate bribery using international frameworks for enforcement: Anti-bribery and corruption in the UK and Germany / N.J. Lord // Criminology & Criminal justice. — 2014. — Vol. 14 (1). — P. 100–120.
29. Корня А. Генпрокуратура предлагает превентивный арест имущества юрист-коррупционеров [Электронный ресурс] / А. Корня // Ведомости. — 2017. — 18 апр. — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/19/686308-preventivnii-arest-imuschestva>.
30. Алейников А.В. Конфликты и социальная стабильность в современной России / А.В. Алейников, А.И. Стребков // Вопросы философии. — 2015. — № 12. — С. 27–40.
31. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А.И. Долгова. — М. : Рос. криминол. ассоц., 2003. — 572 с.
32. Бертон Д. Теория потребностей / Д. Бертон // Конфликты: теория и практика разрешения. Опыт зарубежных исследований : в 3 т. / под ред. Е.Ю. Садовской, И.Ю. Чупрыниной. — Алматы : Конфликтолог. центр, 2002. — Т. 3.
33. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1990. — 524 с.
34. Давыдов Л.В. Конфликтное измерение коррупции и противодействия ей / Л.В. Давыдов, А.Е. Петраченко // Конфликтология. — 2011. — № 4. — С. 130–143.

REFERENCES

1. Zorkaya N. (ed.). *Obshchestvennoe mnenie* — 2014 [Public Opinion — 2014]. Moscow, Levada-Tsentr Publ., 2015. 234 p.
2. Scott J. *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1972. 166 p.
3. Rogozin D. Review of publications on corruption. *Otechestvennye zapiski = Russian Essays*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/obzor-publikacij-o-korrupcii>. (In Russian).
4. Panfilova E.A., Savintseva M.I., Nisnevich Yu.A. (eds). *Protivodeistvie korruptsii v Rossiiskoi Federatsii. Ukazatel' literatury na russkom yazyke, 1991–2012 gg.* [Counteracting Corruption in the Russian Federation. Russian Bibliography, 1991–2012]. Moscow, 2013. 206 p.
5. Almond G. Political science: the history of the discipline. *Polis*, 1997, no. 6, pp. 175–183. (In Russian).
6. Blyakher L.E., Pegin N.A. Corruption as a political problem: who, how and why is fighting corruption in Russia. *Politiya: analiz, khronika, prognoz = Polity: analysis, chronicles, prediction*, 2012, no. 4, pp. 89–103. (In Russian).
7. Knott J.H., Miller G.J. *Reforming Bureaucracy. The Politics of Institutional Choice*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1987. 290 p.
8. Jeffrey M.J. *Americans Want Next President to Prioritize Jobs, Corruption*. Available at: <http://www.gallup.com/poll/156347/Americans-Next-President-Prioritize-Jobs-Corruption.aspx>.
9. Zor'kin V.D. Corruption as a threat to the sustainable development of the society. *Zhurnal rossiiskogo prava = A Journal of Russian Law*, 2012, no. 7, pp. 18–20. (In Russian).
10. Hale H.E.; Darden K., Shapiro I. (eds). *Patronal politics: Eurasian regime dynamics in comparative perspective*. New York, Cambridge University Press, 2015. 538 p.
11. Putin V.V. *Vstupitel'noe slovo na zasedanii Soveta pri Prezidente po bor'be s korruptciei. 12 yanvarya 2004 goda* [Introductory speech at the session of the Presidential Council for Corruption Counteraction. January 12, 2004]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22279>. (In Russian).
12. Lunev V.V. Corruption in Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2007, no. 11, pp. 20–27. (In Russian).
13. Magyar B. *Post-Communist Mafia State: The Case of Hungary*. Budapest, Noran, 2016. 309 p.
14. Green P., Ward T. *State-Crime: Governments, Violence and Corruption*. London, Pluto Press, 2004. 264 p.
15. Kordonskii S.G. The norm of kickback. *Otechestvennye zapiski = Russian Essays*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/norma-otkata>.
16. Auzan A.A. Hostages of distrust. *Otechestvennye zapiski = Russian Essays*, 2012, no. 2. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/zalozhniki-nedoveriya>. (In Russian).
17. Engels F., Marx K. The Origin of the Family, Private Property and the State. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1961, vol. 21, pp. 23–178. (In Russian).
18. Barsukova S., Ledeneva A. From the global corruption paradigm to the research of informal practices: differences in the approaches of outsiders and insiders. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economy*, 2014, no. 2, pp. 118–132. (In Russian).
19. Bystrova A.S., Sil'vestrov M.V. The phenomenon of corruption: some research approaches. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2000, vol. 3, no. 1, pp. 83–101. (In Russian).
20. Rouz-Akkerman S. *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and State. Causes, Consequences, Reforms]. Moscow, Logos Publ., 2003. 356 p.
21. Jancsics D. Interdisciplinary Perspectives on Corruption. *Sociology Compass*, 2014, no. 8/4, pp. 358–372.
22. Pellegrini L. *Corruption, Development and the Environment*. New York, Springer, 2011. 176 p.
23. Barsukova S.Yu. Corruption: scientific debates and situation in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2008, no. 5, pp. 36–47. (In Russian).
24. Varese F. Pervasive Corruption. In Ledeneva A., Kurkchiyan M. (eds). *Economic Crime in Russia*. London, Kluwer Law International, 2000, pp. 99–111.
25. Kupatadze A. Political corruption in Eurasia: Understanding collusion between states, organized crime and business. *Theoretical Criminology*, 2015, no. 19 (2), pp. 198–215.
26. Kosals L., Maksimova A. Informality, crime and corruption in Russia: A review of recent literature. *Theoretical Criminology*, 2015, no. 19 (2), pp. 278–288.
27. Gilinsky Ya. Crime in Contemporary Russia. *European Journal of Criminology*, 2006, no. 3 (3), pp. 259–292.
28. Lord N.J. Responding to transnational corporate bribery using international frameworks for enforcement: Anti-bribery and corruption in the UK and Germany. *Criminology & Criminal Justice*, 2014, vol. 14 (1), pp. 100–120.
29. Kornya A. The office of Prosecutor General suggests preventative seizure of property for corrupt legal persons. *Vedomosti*, 2017, April 18. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/19/686308-preventivnii-arest-imuschestva>. (In Russian).
30. Aleinikov A.V., Strebkov A.I. Conflicts and social stability in Russia today. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, 2015, no. 12, pp. 27–40. (In Russian).
31. Dolgova A.I. *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Criminality, its organization and the criminal community]. Moscow, Russian Association for Criminology Publ., 2003. 572 p.
32. Berton J. Human Needs Theory. In Sadovskaya E.Yu., Chuprynina I.Yu. (eds). *Konflikty: teoriya i praktika razresheniya. Opyt zarubezhnykh issledovaniy* [Conflicts: the theory and practice of resolution. Experience of foreign research]. Almaty, Conflictological center Publ., 2002. Vol. 3. (In Russian).
33. Gegel' G.V.F. *Filosofiya prava* [The Philosophy of Law]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 524 p.
34. Davydov L.V., Petrachenko A.E. Conflict measurement of corruption and its counteraction. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2011, no. 4, pp. 130–143. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алейников Андрей Викторович — профессор кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: a.alejnikov@spbu.ru.

Стребков Александр Иванович — заведующий кафедрой конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: a.strebkov@spbu.ru.

Газимагомедов Газимагомед Гамзатович — профессор кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fond_conflict@mail.ru.

Сунами Артем Николаевич — старший преподаватель кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат политических наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: a.sunami@spbu.ru.

Карпенко Александр Дмитриевич — доцент кафедры конфликтологии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат биологических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: alex@karpenko.name.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Алейников А.В. Конфликтно-криминологическая парадигма бытия коррупции (статья 1) / А.В. Алейников, А.И. Стребков, Г.Г. Газимагомедов, А.Н. Сунами, А.Д. Карпенко // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 3. — С. 482–494. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).482-494.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleynikov, Andrei V. — Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.alejnikov@spbu.ru.

Strebkov, Aleksandr I. — Head, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: a.strebkov@spbu.ru.

Gazimagomedov, Gazimagomed G. — Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Ass. Professor, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: fond_conflict@mail.ru.

Sunami, Artem N. — Senior Instructor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Ph.D. in Political Sciences, St. Petersburg, the Russian Federation; email: a.sunami@spbu.ru.

Karpenko, Aleksandr D. — Ass. Professor, Chair of Conflictology, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University, Ph.D. in Biology, St. Petersburg, the Russian Federation; e-mail: alex@karpenko.name.

FOR CITATION

Aleynikov A.V., Strebkov A.I., Gazimagomedov G.G., Sunami A.N., Karpenko A.D. Conflict-criminological paradigm of corruption (article 1). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 482–494. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).482-494. (In Russian).